

ОБРАЗ КОНЯ В АДЫГСКИХ БОГАТЫРСКИХ СКАЗКАХ И ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ (К проблеме взаимодействия фольклорных жанров)

Тхамокова Женья Галимовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГи КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

Как известно, проблема диффузии жанров не раз становилась объектом пристального изучения многих отечественных и зарубежных ученых. Значительное внимание этому вопросу уделяли и адыгские фольклористы: во многих трудах рассмотрен характер взаимодействия между двумя разновидностями (героическим и историко-героическим) эпоса, архаическими сказаниями о нартах и богатырской сказки и другими жанрами фольклора. Однако, несмотря на достижения в этой области, многие вопросы остаются до конца нерешенными. Например, в адыгской фольклористике до сих пор нет специальных монографических работ, в которых охарактеризованы мотивы, сюжеты, типы персонажей, художественно-изобразительные средства, являющиеся универсальными для богатырской сказки и историко-героического эпоса, чем и обусловлена актуальность обозначенной темы. Основная цель настоящего исследования – изучение роли коня – необходимого герою помощника для борьбы и побед в указанных разностадиальных жанрах. Рассматриваются мотивы: «добывание коня», «кормление коня», «укрошение коня» и другие. Анализируя значительный фольклорный и этнографический материал, автор приходит к выводу, что отмеченные мотивы перешли из богатырской сказки в историко-героические сказания в трансформированном виде как стадиально более позднее жанровое образование. Из историко-героических сказаний в качестве сравнительного материала приводятся примеры из цикла об Андемиркане – самом популярном герое адыгского эпоса.

Ключевые слова: жанр, эпос, сказания, сказка, чудесный конь, диффузия, мотив, чудесная сила, чудесное знание, герой, культ коня, стадиальность.

Обозначенная тема нашего исследования, как очевидно из названия, связана с проблемой диффузии жанров, и эту проблему затрагивают исследователи на материале фольклора разных народов или посвящают ей отдельные работы. «Изучение одного жанра в отдельности, – пишет исследователь абхазского сказочного эпоса С.Л. Зухба, – без учета ее связи с другими жанрами устного поэтического творчества народа, не может дать ясного представления о богатстве и своеобразии сказочного эпоса того или иного народа, так как произведения разных жанров фольклора часто переплетены и связаны между собой» [Зухба 1970: 161].

Статьи А.М. Гутова, посвященные проблеме диффузии жанров на материале цикла сказаний о Жабаги Казаноко и Андемиркана также указывают на перспективность и научную значимость исследований в данном направлении [Гутов 2003; Гутов 2000]. Задействовав значительный иллюстративный материал из самых разных жанров адыгского фольклора автор приходит к выводу, что «Историко-героический эпос, который со временем стал ведущим жанром адыгского народного устно-поэтического творчества и продолжал доминировать на протяжении затянувшейся эпохи адыгского средневековья, самым активным образом взаимодействовал

с различными фольклорными жанрами...» [Гутов 2003: 111]. В эту «затянувшуюся эпоху адыгского средневековья» приходится жизнь и деяния Андемиркана – «самого популярного героя историко-героического эпоса в адыгской фольклорной традиции» [Гутов 2018: 84].

Исследователь адыгских историко-героических песен XVI–XIX веков С.Ш. Аутлева отмечает известность имени Андемиркана – выходца из кабардинцев, и среди других субэтнических групп адыгов. «Песня об общеадыгском (подчеркнуто нами. – Ж.Т.) герое Андемиркане, – пишет автор, – пользовалась большой любовью в народе в течение четырех веков. Она не исчезла из живого бытования и в наше время [Аутлева 1973: 31].

Подтверждением популярности его имени являются и следующие строки непревзойденного собирателя и исследователя адыгских народных песен и преданий З.П. Кардангушева, посвятившего этому герою отдельную книгу [Андемыркъан 2002]: «Андемиркана адыгский фольклор настолько лелеет, любит, что начиная от родившей его матери вплоть до того, как прошло его детство, юношество, как нашел своего коня Жеманшерика (подчеркнуто нами. – Ж.Т.), возмужав, какие совершал подвиги, каким образом его убили, не потеряв и не предав забвению курган, под которым он захоронен, донес до нашего времени)» [Андемыркъан 2002: 10–11].

Закономерен вопрос – в чем причина такой популярности и за что народ так упорно почитает Андемиркана, симпатизирует этому герою? Ответом может быть опять же следующее высказывание З.П. Кардангушева: «Адыги сочиняли песни, увековечивали нетленным для потомков имена тех героев, кто совершал много добрых дел для своего народа» [Андемыркъан 2002: 37].

Заключая свое пространное предисловие к вышеуказанной книге об историческом и фольклорном Андемиркане, З.П. Кардангушев в трех пунктах излагает его основные заслуги во благо своего народа:

1) Андемиркан – участник похода князя Талостана на Бахчисарай, где он проявил себя как самый сильный воин [Андемыркъан 2002: 37]; 2) он участник похода князя Беслана на Астрахань, в этом походе он разведкал и показал войску переправу через Индыл (Волгу), он дал возможность войску преодолеть реку, сдерживая противника, он же, по преданию, победил сына астраханского князя [Андемыркъан 2002: 38]; 3) Андемиркан является первым, кто, с обнаженным оружием выступил против князей, хотя и сам был одним из них. Многих из них он уничтожил, иных ограбил и награбленное раздал неимущим [Андемыркъан 2002: 38].

Возвращаясь к рассмотрению поставленной в данной статье проблеме – каким образом используются при создании историко-героических сказаний об Андемиркане мотивы сказки, как явление более архаичного, можно отметить, прежде всего, органичность взаимодействия жанров.

Переход к сравнительному изучению цикла историко-героических сказаний об Андемиркане, имея определенный научно-эмпирический багаж в изучении сказочного жанра [Адыгэ таурыхъхэр 2005; Адыгэ таурыхъхэр 2018; Тхамокова 2014], привел нас к следующим важным наблюдениям, изложению части из которых посвящена данная статья.

М.Е. Талпа в своих комментариях к текстам об Андемиркане одним из первых обратил внимание на наличие в образе коня героя сказочный характер [Талпа 1936: 605].

В своей содержательной и глубоко научно-обоснованной статье об историческом и фольклорном Андемиркане, А.М. Гутов выделяет в сказаниях о нем следующие архаичные мотивы, характерные и для структуры сюжетов богатырского нартского эпоса: рождение и младенчество героя; богатырское детство и добывание героем богатырского коня (подчеркнуто нами. – Ж.Т.); встреча с мифическими и реальными существами; столкновение с противниками; гибель [Гутов 2000:

35]. В результате сравнительного рассмотрения в отдельности этих тематических групп на обширном историко-этнографическом и фольклорном материале, автор приходит к выводу: «Вся совокупность сказаний о данном герое и песня о нем создаются... в результате переплетения типологически различных мотивов» [Гутов 2000: 36]. В развитие этих суждений можно отметить, что чуть ли не все ключевые мотивы представлены в богатырской сказке.

М.Ф. Бухуров, рассматривая проблему в данном ракурсе, приходит к заключению, что в формировании цикла сказаний об Андемиркане важную роль сыграл не только героический нартский эпос, но богатырская сказка [Бухуров 20017: 17–20]. Он выделяет шесть общих мотивов, которые образуют составные части композиционного строения сюжетов сказок и историко-героических сказаний: 1) чудесное рождение; 2) быстрый рост; 3) богатырское детство; 4) добывание чудесного коня; 5) героическое сватовство; 6) чудесные свойства коня и оружия [Бухуров 2017: 17–20]. Автор кратко останавливается на каждом из них, основываясь на материалы из образцов обоих жанров. При этом сам исследователь справедливо отмечает, что «приведенными примерами не исчерпывается многообразие сказочных мотивов в сказаниях об Андемиркане» [Бухуров 2017: 204]. Другими словами, по его мнению, существует обширный материал, который в дальнейшем необходимо задействовать и нам представляется, что более глубокое изучение материала, опубликованного в различных изданиях и хранящегося в архивном фонде ИГИ КБНЦ РАН, позволит расширить и углубить исследования по каждому из архаических мотивов, отмеченных автором, с привлечением дополнительного фактического – не только фольклорного, но и этнографического материала, ибо, фольклор отражает действительность по своим законам [Пропп 1976: 85].

Исходя из сказанного, в данной статье мы продолжаем поиски в оговоренном ракурсе, взяв не все выделенные выше исследователем мотивы, а один из них – четвертый «добывание чудесного коня, объединив его с частью шестого пункта, касающегося коня – мотив «чудесных свойств коня». Наш выбор объясняется тем, что конь в богатырских сказках и историко-героических сказаниях неотделим от героя для «борьбы и побед» – «сердцевины эпоса». Он сопровождает героя на всем протяжении его жизни, т.е. его образ, как и образ центрального персонажа, выполняет важнейшую роль в развитии сюжета повествования.

М.Е. Талпа отмечает типичность ведущей роли коня как в нартском, так и в историко-героическом эпосе. При этом он справедливо подчеркивает отличие функций коня в этих жанрах. «Конь, – пишет автор, – уже не беседует, как Тхожей с Сосруко. Но он – необходимое условие побед героя, он его ближайший друг» [Талпа 2000: 151].

Небольшой раздел «Культ коня» в работе А.Т. Шортанова «Адыгские культы» [Шортанов 2016: 423–424] при его расширении по глубине содержания мог бы стать основой монографического исследования. Обращая внимание на ключевую роль коня в эпосе, автор замечает: «...герой, и его конь представляют собою как бы неразрывное целое. Они вместе проходят все перипетии драматического столкновения с враждебными силами, и часто вместе гибнут в этой борьбе» [Шортанов 2016: 423]. Существовало также поверье, что они должны быть вместе и в загробном мире, поэтому вместе с погибшим героем хоронили и его коня [Шортанов 2016: 434–435]. Согласно одной из версий, Андемиркан тоже был похоронен в урочище Хеу вместе с его верным Жаманшарыком [Шортанов 2016: 434].

Согласно мнению А.И. Алиевой для адыгской волшебной сказки характерен общий образ героя и его коня, владение чудесным конем – свидетельство достоинства героя – седока. В своей глубокой обстоятельной монографии, рассматривая обширный материал художественно-изобразительных средств для создания образов персонажей адыгских волшебных сказок, автор указывает на отсутствие

формул, создающих облик героя без коня, и, наоборот, характерность обилия устойчивых формул описания всадника на коне. «Характеристики внешнего облика героя в адыгской волшебной сказке практически отсутствует, – пишет автор – ... Формула обращает внимание лишь на облик героя, восседающего на коне» [Алиева 1986: 136].

Народное представление о единстве героя и его коня нашло отражение и в обиходной речи адыгов, в частности, в крылатом словосочетании «шыфэллыфэ» (букв. – «вид коня – вид мужа»), что означает двуединство обликов коня и мужчины-седока. В пословице «Шыр лыым и гьуджэ-мажьэщ» – («конь – гребень и зеркало мужчины») выражена та же мысль. Поэтому неслучайно в адыгской средневековой действительности военно-походного уклада жизни на встречах князей и дворян – представителей военно-рыцарского сословия, характерным предметом разговора и горячих споров являлась тема коня, ожесточенного соперничества за обладание лучшим конем. Это отразилось и в сказаниях об Андемиркане. «Однажды, – повествует одно из сказаний об Андемиркане, – когда собралось много народу у князя Мудара, в беседе Мудар завел разговор: «Яраби, может ли у кого-либо быть конь, лучше чем конь сына Талостана и сына Гузера». Андемир, присутствовавший при этом, заявил: «Улахи, вы бы увидели коня, если бы увидели коня моего кана!» (Андемиркана. – Ж.Т.) [Андемыркъан 2002: 118–123]. Это становится завязкой действия.

Один из главных мотивов богатырских сказок и историко-героических сказаний – добывание коня. По справедливому замечанию А.Т. Шортанова, так же, как упомянутый эпизод, «этот момент служит завязкой, началом повествования и последующих действий» [Шортанов 2016: 423].

Рассмотренный нами материал показывает, что конь добывается героем двумя путями:

1. Герой получает богатырского коня благодаря обладанию чудесным знанием.
2. Герой получает коня благодаря обладанию богатырской силой.

Эти мотивы зарегистрированы в международном указателе сюжетов Аарне-Томпсона (далее АТ) за номерами 650–699 «Чудесная сила или знание (умение)»: обладая чудесным знанием или силой, герой достигает разных целей, в том числе добывает коня.

1. В первом случае в богатырских сказках «даритель» предоставляет герою возможность выбрать коня из целого табуна. Герой выбирает маленького, облепленного колючками, худенького жеребенка, ибо он по его одному известным признакам видит, что жеребенок из породы альп (мифический конь) [Фольклор адыгов 1979: 261–269; ФАИГИКБНЦРАН, инв. № 1037; Адыгэ таурыхъэр 2018: 439–457].

Интересно заметить, что в другой богатырской сказке невзрачный вид жеребенка является результатом злодейства ведьмы – уд, владелицы коней: чтобы за службу ей герой не выбрал из его десяти коней, которых он охранял, альпа, он велит альпам притвориться больными, выглядеть жалкими, немощными, и наоборот, не альпам – резвиться с поднятыми хвостами и т.д. Герой все же распознает альпа [Адыгэ таурыхъэр 2018: 89–97].

Этот мотив «невзрачного жеребенка», из которого вырастает чудесный боевой конь проникает из богатырской сказки в историко-героическое сказание об Андемиркане. До его отца Кура доходит слух, что турецкий султан, наслышанный тем, что в кабардинских табунах водятся богатырские кони альп, велел найти знатоков этой породы. Кур доставляет турецкому султану двух жеребят, которые, из-за невзрачности, не были признаны альпами, и Куру, за «подлог», выкалывают глаза. Впоследствии специальным кормлением и режимом, он доказывает султану, что эти жеребята были альпами [Андемыркъан 2002: 322–326].

В наездничестве, за ночной охраной табуна Андемиркан замечает другое необычайное качество только что родившегося жеребенка. В сказании он трижды

перепрыгивает через свою мать. Поняв, что это альп, из коней, предлагавшихся ему за ночную охрану табуна, герой выбирает этого жеребенка вместе с родившей ее кобылой [Кабардинский фольклор 2000: 63–65]. Данный мотив широко популярен в адыгских волшебных-богатырских сказках [Тхамокова 2018: тип 552А]. В частности, он представлен в большинстве вариантов популярной сказки «Трехногий вороной» [Адыгэ таурыхъхэр 2018: 72–79].

Мотив роли чудесного знания и наблюдательности, также распространен в адыгском фольклоре. Он является сюжетообразующим в одной из наиболее популярных богатырских сказок «Череп альпа» [Тхамокова 2018: тип -АТ655*]. Благодаря обладанию способностью распознать альпа и получив возможность его получить, герой вырывается из плена (будучи похищенным, мальчик по признакам черепа погибшего коня определяет скакуна высокой породы – альпа; о его чудесном знании доносят похитителю, который, используя его, завладел такими конями (выявил в своем табуне или приобрел со стороны); после долгого выхаживания альпов, на одном из них, он совершает побег к родителям; ему удается уйти от погони благодаря знанию слабостей тех альпов, на которых его преследуют: один не выдерживает прямых лучей солнца, другой – бега по гальке; затем (реже) герой уносит своего похитителя на альпе и держит его у родителей столько же, сколько его держал в плену тот) [Адыгэ таурыхъхэр 2018: 519–524].

В сказаниях об Андемиркане турецкий султан [Андемыркъан 2002: 322–326], русский царь [Андемыркъан 2002: 322–326] дают указание своим подданным искать знатоков альпа в Кабарде.

2. Мотив получения коня благодаря обладанию чудесной силой более разнообразен. В богатырской сказке о трех братьях младший превосходит старших в силе и решает за них трудные задачи. В частности, убив трех иныжей (великанов), отдает старшим в жены освобожденных от них женщин и возвращает их с полпути домой. Сам же он продолжает путь за невестой с определенными приметами. Он должен преодолеть большое водное пространство. По совету старухи, которая пасет гусей и которой он становится молочным сыном, герой забирается на ветку старого кривого дерева, стоявшего на берегу озера. Сюда подходят три чудесных коня «домбей хуара». Герой бросается на спину третьего коня, который поднимает его в облака, укрощает его ударами кизиловых веток, пока конь не клянется именем Уашхо (Бог неба): «Уашъхуэ мывашъхуэ кІанэ, уэ лы ухум сэ шы сыпхуэхъункІэ!» «Если ты мужчина, то я достойный буду тебе конь!» [Адыгэ таурыхъхэр 2018: 447–457; ФАИГИКБНЦРАН, инв. № 1037].

В сказании об Андемиркане в такой же ситуации герой получает совет как перебраться на другой берег моря (океана). И здесь совет дает встреченный на берегу старик, который пас гусей – мотив сугубо волшебных сказок [Андемыркъан 2002: 251–253]. Примечательно, что и здесь сохраняется характерная для волшебных и богатырских сказок троичность: на берег приходят три коня, среди которых один особый – «кьунажын» (кунажин – трехлеток). Герой с ветки дерева должен попасть именно на «кьунажын», которого позже он назвал Жаманшарыком. Примечательно, что, в отличие от вышеприведенной богатырской сказки, здесь уже, как образец эпоса более позднего жанра, отсутствуют мотивы «крылатого коня», «говорящего коня».

В одном из самых популярных сюжетов адыгской богатырской сказки (см.: АТ530 [Тхамокова 2018: 578]) герой (чаще всего младший брат), охраняя могилу отца, получает трех чудесных коней, ранее принадлежавших великанам, которых он убил [Адыгэ таурыхъхэр 2018: 72–89].

М.Е. Талпа отмечает, что существует сказочная версия сюжета о добывании Андемирканом коня: «Андемиркан попадает в дом великанов, истребляет их и в конюшне находит коней, среди них богатырски сложенную кобылицу с собачьими лапами» [Талпа 1936: 603].

В богатырских сказках популярен мотив добывания героем коня путем открытия входа в погреб (пещеру), где он содержится. Вход завален огромным камнем «абрэ-мывэ», и герой должен обнаружить богатырскую силу, чтобы его отвалить. При этом оттуда вырывается чудесный конь, которого герой должен обуздать, укротить [Адыгэ таурыхьхэр 2018: 79–89]. Этот архаический мотив встречается и в сказаниях об Андемиркане: он пристаёт к приемной матери разрешить присоединиться к группе всадников, которая отправляется в лес на охоту. Она соглашается с условием, если он откатит абрэ-мывэ, которым завален вход в конюшню и сесть на коня, который там находится. Андемиркан отбрасывает этот камень, выводит коня, затягивает у него подпругу, и садится на него. Здесь нет мотивов «обуздания коня», «укрощения коня», характерные для богатырских сказок [Андемиркан 2002: 247–248].

В данной статье объем не позволяет остановиться на мотивах свойств коня в рассматриваемых жанрах. Характерны мотивы: говорящий, крылатый конь, верный седоку конь. Например, в богатырской сказке в защите героя конь вступает в прямой поединок с конем антагониста. Когда последнему не хватает глотка воды для низвержения героя, и его конь хочет подать своему хозяину бурдюк с водой, конь героя выбивает этот бурдюк и тем самым герой побеждает противника [Адыгэ таурыхьхэр 2018: 79–89]. Подобный мотив защиты конем своего седока зафиксирован и в сказаниях об Андемиркане [Кабардинский фольклор 2000: 317–318].

Приведенные примеры из двух рассмотренных жанров свидетельствуют о том, что, создавая образ своего любимого народного героя Андемиркана и неотделимого от него чудесного коня альпа, народ пользуется мотивами, художественными средствами богатырской сказки из стадияльно предшествующего жанра.

Из наших беглых наблюдений можно заключить, что в мифологии и фольклоре адыгов конь занимает исключительно важное и почетное место [Шортанов 2016: 423]. Есть необходимость проводить дальнейшие изыскания в этом направлении и вовлечь в научный оборот существующий на тему значительный фактический материал.

Источники и литература

1. Адыгэ таурыхьхэр. Новеллэ таурыхьхэр (Адыгские сказки. Новеллистические сказки) / сост., комментарии, указатель сюжетов Тхамоковой (Браевой) Ж.Г., ред. З.М. Налоев. Нальчик: Эль-Фа, 2005. Т. 1. 833 с.
2. Адыгэ таурыхьхэр. Тельыджей таурыхьхэр (Адыгские сказки. Волшебные сказки) / сост., вступит. слово, комментарии, указатель сюжетов Тхамоковой (Браевой) Ж.Г., научн. ред. М.Ф. Бухуров. Нальчик: Издательская типография «Принт-Центр», 2018. Т. 2. 592 с.
3. Алиева А.И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 279 с.
4. Андемыркъан (Андемиркан) / сост. З.П. Кардангушев. Нальчик: Эльбрус, 2002. 270 с.
5. Аутлева С.Ш. Адыгские историко-героические песни XVI–XIX веков. Нальчик: Эльбрус, 1973. 226 с.
6. Бухуров М.Ф. Сказания об Андемиркане и богатырская сказка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6/72: в 3-х ч. Ч. 2. С. 17–20.
7. Гуттов А.М. Проблемы адыгского (черкесского) нартского эпоса. Нальчик: Издательская типография «Принт-Центр», 2018. 264 с.
8. Гуттов А.М. Слово и культура. Нальчик: Эльбрус, 2003. 159 с.
9. Гуттов А.М. Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик: Эль-Фа, 2000, 219 с.
10. Зухба С.Л. Абхазская народная сказка. Тбилиси: Мецниереба, 1970. 254 с.
11. Кабардинский фольклор / общ. ред. Г.И. Бройдо. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 651 с.
12. Пронн В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 366 с.
13. Пронн В.Я. Фольклор и действительность: избранные статьи. М.: Наука, 1976. 325 с.

14. *Талпа М.Е.* Комментарии и варианты // Кабардинский фольклор. Эль-Фа, 2000. С. 573–618.
15. *Талпа М.Е.* Общие замечания // Кабардинский фольклор. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 147–152.
16. *Тхамокова Ж.Г.* Адыгская бытовая сказка (сюжетный состав в сравнительном освещении). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. 221 с.
17. *Тхамокова Ж.Г.* Сравнительный указатель сюжетов адыгских (адыгейских, кабардинских, черкесских) волшебных сказок по системе Аарне-Томпсона // Адыгэ таурыхъхэр. Тельдыджей таурыхъхэр (Адыгские сказки. Волшебные сказки). Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. Т. 2. С. 553–588.
18. *ФАИГИКБНЦРАН* – Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.
19. Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX века / общ. ред. А.М. Гутова. Нальчик: Эльбрус, 1979. 404 с.
20. *Шортанов А.Т.* Адыгская (черкесская) мифология и культуры. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2016. 151 с.
21. *AT* – The Types of the Folktale. A classification and Bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen (FFC № 3). Translated and Enlarged by S. Thompson. Helsinki, 1961 (=FFC 184).

THE IMAGE OF A HORSE IN ADYGHE HEROIC TALES AND HISTORICAL AND HEROIC LEGENDS (On the problem of the interaction of folklore genres)

Tkhamokova Zhenya Galimovna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Adyghe Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kbigi@mail.ru

As you know, the problem of diffusion of genres has more than once become the object of scrutiny of many domestic and foreign scientists. Adyghe folklorists paid considerable attention to this issue: in many works, the nature of the interaction between the two varieties (heroic and historical-heroic) of the epos, archaic legends of the Narts and the heroic tale, and other folklore genres was considered. However, despite the achievements in this area, many issues remain unresolved. For example, in Adyghe folklore there are still no special monographic works that describe motives, plots, character types, artistic and visual means that are universal for a heroic tale and a historical and heroic epic, which determines the relevance of the topic. The main goal of this study is to study the role of the horse – the assistant needed by the hero for the struggle and victories in these genres with different stages. The motives are considered: «getting a horse», «feeding a horse», «taming a horse» and others. Analyzing significant folklore and ethnographic material, the author comes to the conclusion that the noted motifs passed from a heroic tale to historical and heroic tales in a transformed form as a stadially later genre formation.

Keywords: genre, epic, legends, fairy tale, wonderful horse, diffusion, motive, wonderful power, wonderful knowledge, hero, horse cult, staging.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-124-130